

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

М. В. ВИТОВ

ГНЕЗДОВОЙ ТИП РАССЕЛЕНИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

1

В этнографических сочинениях нередко можно встретить описание планировки поселений, иногда описываются также особенности расположения их на местности, но один чрезвычайно важный аспект изучения поселений обычно выходит из поля внимания этнографов. Я имею в виду группировку поселений. В тех же редких случаях, когда исследователи обращали внимание на особенности группировки поселений, вопрос о происхождении этого явления ими не поднимался.

В настоящей статье предполагается рассмотреть один из видов группировки поселений, распространенный в северной части Восточной Европы, и выяснить его генезис.

Исследовательница русского Севера М. А. Островская писала: «Хуторское расселение надо признать типичным для древнейшей истории русского севера. С таким определением соглашался и сторонник «военно-артельной колонизации» Н. П. Павлов-Сильванский»¹. «Хуторское» расселение отмечают и другие авторы. Однако такое определение ошибочно.

Северные деревни, в том числе и однодворные деревни («дворы-деревни»), редко стоят в одиночку. Обычно по соседству с ними расположены еще несколько таких же деревень. Все вместе они образуют группу, гнездо.

Описание гнездового типа расселения на русском Севере встречаются в сообщениях этнографов и краеведов. В статье об этнографии Пинежского края² М. Б. Едемский касается и поселений этого района. Термин «деревня» употребляется в этом районе в отношении иногда отдельного поселка, иногда целой группы поселков — так называемых околотков³: каждый околоток имеет особое название и иногда является большим поселением. Автор приводит примеры больших деревень: деревня Кулогоры состоит из 7 околотков-деревень, деревни Цимола и Вонга состоят из десятка деревень каждая. М. Б. Едемский отмечает, что названия

¹ М. А. Островская, Земельный быт сельского населения русского Севера в XVII—XVIII вв., СПб., 1913, стр. 122.

² М. Б. Едемский, Этнологические наблюдения в Пинежском крае Архангельской губ. в 1921 г., «Север», Вологда, 1923, № 3—4, стр. 197—214.

³ Там же, стр. 203.

околотков согласованы со словом деревня, а не околоток; так, например, в деревне Кулогорах имеются околотки: Соколова, Шаньгина, Шаньгина Гора, Клишевская и т. д.

По сообщению К. К. Романова, поселения на Пинеге и Мезени расположены группами, которые находятся на большом расстоянии друг от друга (до 30—40 верст). Его описание своеобразной группировки поселений не совсем совпадает с приводившимся выше описанием Едемского, которое относится примерно к тому же району, но основная особенность — «гнездовость» расселения — зафиксирована вполне определенно: «...район то состоит из нескольких групп, объединяющих несколько деревень, или «околов», вместе, то состоит всего из одной группы (Нюхча). Группы, объединяющие собой околы, иногда стоят очень близко одна от другой, но все же имеют свое собирательное название. Например, в районе Карпогорской волости Ваймуши отстоят всего на $2\frac{1}{2}$ —3 версты от Карпогорья к югу, а Шотова Гора — на три версты к северу, но и Ваймуши и Шотова Гора состоят из нескольких «околов». Каждый «окол», или «околок» носит отдельное название; так, Ваймуши состоят из Нижнего конца, Ростова, Пестова и Верхнего конца, Карпова Гора — из Кобылина, Новинчины, Заполина, Кондратьицы и Верноконы. Околы то стоят вплотную друг к другу (как в Ваймушах, Карповой Горе), то в виде отдельной деревеньки, причем иногда околы одной группы разбросаны вдоль реки или дороги даже на протяжении верст 3-х, то на расстоянии не меньшем, чем группы селений в другом месте (Ваймуши и Карпогорье). Так, в Шотовой Горе околы Борова, Едома, Вохорянка, Перелог, Нова, Подгорье, Мезенцево и Заручье стоят тесно вместе, а Крапивница и Носовка отдельно. В Марьиной Горе все околы разбросаны вдоль реки, параллельно которой идет и дорога. В Покшеньге околы расположены даже по двум берегам реки Покшеньги, протекающей по большому оврагу. В объединении нескольких околов в одно собирательное название виден обычный северный тип селения и его определения. Этот общий северный признак деления селений на околы подтвержден, однако, значительным внутренним отличиям»⁴.

Интересно беглое замечание А. Соборнова по поводу группового расположения деревень в Карелии: «Если несколько корельских селений группируются вместе и если они идут в одну линию, то ряд деревень этих носит одно общее название, а каждая конечная деревня отдельно имеет название «конец» — южный или северный»⁵.

Эта же особенность описана С. Приклонским в местности, расположенной неподалеку от Выгозера. Автор рассказывает, как, выехав из небольшой деревни Шелтопорог, он через одну-две версты натолкнулся на маленькую деревушку, насчитывавшую 2—3 двора. Оказалось, что деревня носит то же название Шелтопорог. Еще через 3 версты автор попал в деревню, на этот раз однодворную. И она носила то же название. Название Шелтопорог оказалось общим для всех трех деревенок. Тот же автор рассказывает, что местность Ошта в его время (70—80-е годы) состояла из нескольких десятков небольших поселений, удаленных друг от друга. Каждое поселение имело свое официальное название и считалось деревней. Однако сами местные жители считали их одним поселением — Оштою. Точно так же местность Виницы, состоявшая из нескольких десятков мелких поселков, которые тянулись на 3 версты по течению р. Ояти, осознавалась жителями как одно поселение. Отдельные названия для каждой деревни, по словам крестьян, придумали чиновники для своих надобностей⁶.

⁴ К. К. Романов. Жилище в районе реки Пинеге. В кн. «Искусство Севера», т. II, Л., 1928, стр. 9—10.

⁵ А. Соборнов, К истории культуры олонецкой корелы, «Олонецкий сборник», вып. 1, Петрозаводск, 1875—1876, стр. 133.

⁶ См. С. А. Приклонский, Народная жизнь на Севере, М., 1884, стр. 91—93.

В западной Карелии тип расселения сходен с только что описанным. В Ухтинском районе отмечается редкое население, к западу от Вокнаволока — сравнительно густое. Мелкие деревни-хутора разбросаны группами на полкилометра и более друг от друга. Впрочем, иногда встречаются и отдельно стоящие хутора⁷. Такой же характер имеют поселения, расположенные к западу от Кондоки⁸.

А. Ефименко оставила несколько замечаний относительно расселения в восточном Поморье. Пустозерск, например, отмечавшийся на картах как одно поселение, представлял собой 17 маленьких деревень, раскинутых на целую сотню верст. Сплошные ряды изб образуются лишь тогда, когда «лес совсем припер население к берегу реки, или по берегу моря. Но и там деление на околотки, на концы с особыми названиями отчетливо показывает, что это село образовалось из слияния отдельных деревень, сохранивших еще воспоминание своей обособленности»⁹.

Наконец, и наши полевые наблюдения¹⁰ свидетельствуют о расселении группами, гнездами.

Автор настоящей статьи в 1953 и 1954 гг. имел возможность посетить местности, описанные в приводимых работах Едемского, Приклонского, Капицы, Романова, а также многие другие районы Архангельской области и Карело-Финской ССР, и мог убедиться в том, что поселения образуют на севере гнезда, группы. Однако в настоящее время деревни, составляющие гнездо, в ряде случаев уже срослись в одно поселение и трудно различимы. Поэтому автору казалось более целесообразным дать не свои, а более ранние (приведенные выше) описания.

Гнездовой тип расселения отмечен на русском Севере повсюду. Однако в некоторых местностях он выступает недостаточно ясно: обычно там, где плотность сравнительно высокая и деревни близко расположены одна к другой, т. е. в местах старого заселения. Современные деревни, составляющие гнездо, объединены рекой или озером (если это небольшая речка, то поселения часто разбросаны по всему ее течению; если это большая река, то гнездо занимает часть ее побережья). Родственный состав населения современных гнезд установить, как правило, не удастся.

2

Для того чтобы установить, как возникли и что первоначально представляли собой гнезда поселений, необходимо обратиться к древним документам.

Гнездовой тип расселения замечен на картах Генерального межевания, которое проводилось во второй половине XVIII в. на территориях северных погостов. Сросшиеся мелкие гнезда образуют густозаселенные места, обычно в центральной части погостов, но в окраинных частях гнезда распознаются легче.

Распространение гнездового типа расселения в западной Карелии видно из планов поселений, снятых шведами в XVII в. и хранящихся в Сток-

⁷ См. Л. Л. Капица, Материалы для этнографической характеристики Кондожского и Вокнаволоцкого районов северо-западной Карелии, «Западнофинский сборник», Л., 1930, стр. 22.

⁸ Там же, стр. 23.

⁹ А. Ефименко, Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. В кн. «Исследование народной жизни», вып. 1. Обычное право. М., 1884, стр. 203.

¹⁰ Материалы Северновеликорусской экспедиции Института этнографии АН СССР 1948 г. (под руководством Г. С. Масловой), в которой автор этой статьи занимался специально поселениями. Обследованы: часть южного побережья Белого моря, устье р. Нименьги, среднее течение Онеги — Устьмошь, район Кенозера и Корбозера. Материалы Северной экспедиции кафедры этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова 1953 г. (под руководством автора настоящей статьи). Обследованы поселения Петровского, Заонежского (Сегозерского, Пудожского, Олонецкого, Ведлозерского, Шелтозерского районов Карело-Финской ССР, поселения Вытегорского, Белозерского и Оштинского районов Вологодской области, а также Винницкого района Ленинградской области.

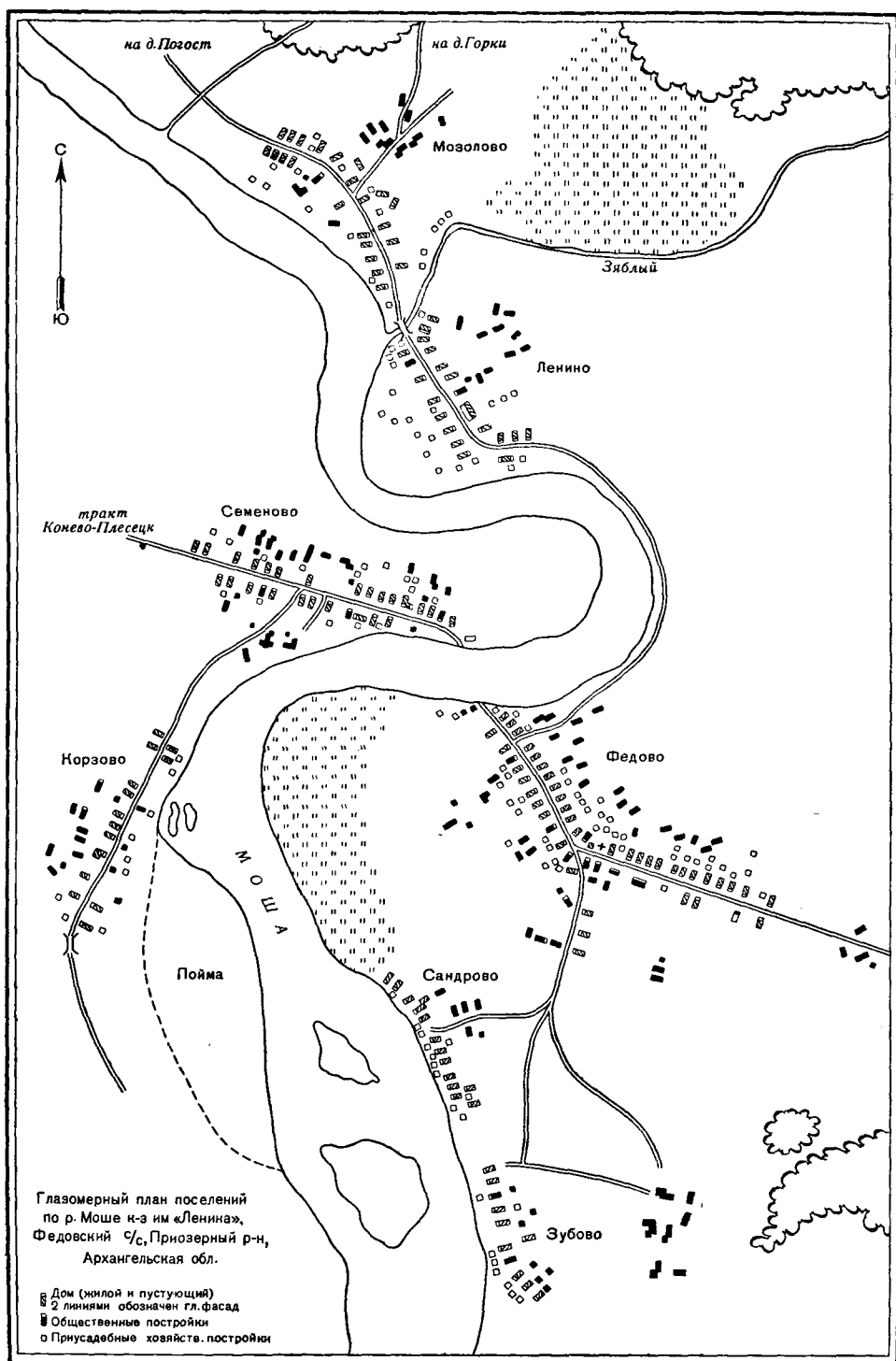

Рис. 1. Гнездо поселений по реке Моше (глазомерный план). 1948 г.

гольмском архиве. Несколько таких планов опубликовано в приложении к статье Г. Никандера о финских поселениях. Автор отмечает распространение в Карелии и Саволаксе типа расселения, при котором дома стоят в некотором отдалении друг от друга, окруженные полями. Тип этот автор считает восточноевропейским по происхождению¹¹. Приложенные планы изображают однодворные деревни, расположенные небольшими гнездами¹². Описанный тип расселения, по Никандеру, распространен в восточной Финляндии, т. е. в ближайшем соседстве с русским Севером.

Очевидно, что возникновение расселения гнездами восходит к отдаленной эпохе.

Происхождение этого типа расселения оказалось возможным выяснить, составив карты по данным писцовых и переписных книг XVI—XVII вв. Такая работа проделана нами по сравнительно небольшому району — древнему Шунгскому погосту, который входил в Заонежскую подовину Обонежской пятины. Весьма трудоемкий процесс восстановления карт поселений будет описан нами в одной из ближайших работ. Составлены карты поселений Шунгского погоста 1496¹³, 1563¹⁴, 1583¹⁵, 1620¹⁶, 1628¹⁷, 1647¹⁸, 1718¹⁹ и 1720²⁰ гг.

Обратимся к составленным картам²¹. Отметим, кстати, что Шунгский погост, как и соседние погосты Заонежского полуострова — Толвуйский и Кижский, занимает несколько особое положение. Если не считать почти совершенно незаселенной северной части, Шунгский погост заселен плотнее, чем большинство других. Это объясняется в основном тем, что почвы центральной части Шунгского погоста значительно плодороднее, чем в большинстве районов Севера²². А раз плотность заселения в этой местности выше, то гнездовая структура выявляется не так четко. Все же некоторые гнезда поселений отчетливо видны на составленных нами картах. Они разной величины: есть группы всего в две-три однодворные деревни, отделенные от остальных селений на десятки верст, например деревни по Верхнему озеру (Верхозеру), на Вигнаволоке; есть группы с большим количеством деревень — чаще всего в местах сравнительно старого обитания. Разрастаясь с течением времени, такие гнезда смыкаются друг с другом и образуют как бы составные гнезда заселений. Результатом этого иногда бывает обрастание деревнями погоста-места²³ и превращение по-

¹¹ Gabriel Nikander, Kulturskoden och bebyggelseformen i Finland en etnografisk översikt. Folke-liv, Acta etnologica et folkloristica Europae, 1950—1951, t. XIV—XV, Stockholm, 1951, стр. 126.

¹² Там же, планы: № 11a (сел. Липола, 1644 г.), № 11b (сел. Ютсельке, 1644 г.), № 12a (сел. Иделахс, 1645 г.), № 12b (сел. Юлекона, 1644 г.), № 13a (сел. Туукала, 1754—1755 гг.).

¹³ По писцовой книге Сабурова, Писцовые книги Обонежской пятины, Л., 1930.

¹⁴ По писцовой книге Лихачева, там же.

¹⁵ По писцовой книге Плещеева, ЦГАДА, Писц. кн. по Новгороду № 963.

¹⁶ По дозорной книге Лыкова, ЦГАДА, Писц. кн. по Новгороду № 979.

¹⁷ По писцовой книге Панина, ЦГАДА, Писц. кн. по Новгороду № 308.

¹⁸ По переписной книге Писемского, ЦГАДА, Писц. кн. по Новгороду № 980.

¹⁹ По отчету генерал-майора Михаила Матюшкина, ЦГАДА.

²⁰ По ревизским сказкам 1720 г., ЦГАДА, Рев. ск. 2542а.

²¹ Основу, на которую наносились населенные пункты, дала нам карта Генерального межевания. Формы озер и рек лишь в основном соответствуют современной крупномасштабной карте. Причины две: во-первых, за время, прошедшее с момента межевания, рельеф местности несколько изменился — высохли некоторые озера, реки отчасти изменили свое русло, во-вторых, — и это главное — картографическая точность работ Генерального межевания весьма неудовлетворительна.

²² Плодородие зависит от выходов на поверхность земли особого минерала, близкого ископаемому углю, так называемого шунгита, а также шунгитовых сланцев. Урожайность в местностях, богатых шунгитом, выше, чем в других (см. М. А. Тойкка и А. П. Кекконен, Шунгит как местное удобрение, Ученые записки Карело-Финского гос. университета, т. I, Петрозаводск, 1947, стр. 218).

²³ «Погостом-местом» исследователи писцовых и переписных книг называют церковь с кладбищем и домами причта в отличие от «погоста-округа» — административной, податной единицы. Сами документы этих понятий терминологически не различают.

следнего в центр крупного для Севера поселения. Примером такого сросшегося гнезда могут служить деревни, окружавшие со всех сторон Вытегорский погост-место в XVI—XVII вв. Шунгский погост не стал крупным поселением, но окружающая его местность довольно густо заселена.

Гнезда поселений носят обычно общее собирательное название. Можно предположить, что и другие гнезда носили общее название, но составители писцовых и переписных книг не интересовались этим, а, наоборот, старались зафиксировать название каждой отдельной деревни, так как деревни, а не группа деревень облагалась налогом и составляла хозяйственную единицу.

Интересно, что собирательные названия гнезд часто нерусского происхождения и, очевидно, древнее названий каждой отдельной деревни. Также чрезвычайно важно, что названия гнезд поселений имеют часто патронимические окончания на «ичи», «цы», или «не».

Перечислю некоторые гнезда поселений Шунгского погоста по составленным нами картам XV—XVI вв. На крайнем юге — группа из 2—3 деревень на Верхнем озере. В южном конце длинного Путко-озера весьма обособленное положение занимает группа деревень Фоймогуба. В средней части Пуко-озера, по восточному берегу, расположены два гнезда: Онежане и Паницы, которые постепенно срastaются, так как расположены неподалоку. Вокруг Хаш-озера расположено гнездо деревень, на Малом озере — также. В верховьях Кевтеня губы — небольшое гнездо, которое иногда называется Кевтеничами. На берегу Святой губы — гнездо Юрьевичи (или Верговичи, по древнейшей книге) и т. д. Гнезда поселений локализованы в одном месте и, если они не слишком разрослись, выделяются очень четко. В центральной части погоста, вокруг самого погоста-места, поселения срослись настолько, что отдельных гнезд не видно.

Интересно заметить, что некоторые деревни, удаленные от центральной части погоста, насчитывают по данным писцовых книг иногда большее число дворов, чем центральные поселения. Это связано, возможно, с тем, что писцы и переписчики посещали сами далеко не все деревни, а пользовались «сказками» местных жителей, которые, как уже было отмечено, считали иногда группу однодворных деревень за одно поселение.

Независимо от таких групп располагаются отдельные починки — новые поселения, возникшие на незанятой черной земле, еще не положенные в обжи²⁴. Появление починков тщательно отмечается писцами в книгах, так как это вызывает изменение обежного обложения.

Можно предполагать, что гнездовой тип расселения в прошлом был распространен шире, чем в настоящее время, и выходил за пределы Поморья. Ю. В. Готье отмечает гнезда в Замосковном крае XVII в. «В Ржевском уезде был, повидимому, распространен тип селений, разбросанных по частям, но составлявших почему-то одно целое и сохранявших связь между отдельными своими частями: деревня «стоит на двое», селцо старое «стоит на семеро», иначе, имеет 7 выставок или выселков...»²⁵ Правда, рассматривая рисунки деревень VII в. в альбоме Мейерберга²⁶ (мы не нашли убедительного подтверждения своих предположений о распространенности гнездового типа расселения в более южных местностях, через которые проехало знаменитое посольство. Лишь в изображении деревни при р. Шлине (№ 35, л. 11), села Пешки (№ 49,

²⁴ Т. е. свободные от налога. «Обжа» — распространенная единица налогового обложения, размеры которой различались в Новгородской и Московской землях.

²⁵ Ю. В. Готье, Замосковский край в XVII в., М., 1906, стр. 129—130.

²⁶ Августин Мейерберг, Виды и бытовые картины России XVII в. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину с приложением карты пути царского посольства 1661—62 гг., СПб., 1903.

л. 16) да селения Черкизова (№ 51, л. 16) можно усмотреть гнездовое расселение. Впрочем, трудно было и ожидать, что альбом Мейерберга обнаружит особенности взаимного расположения деревень: художник изображает каждый раз какую-нибудь одну деревню, а не более или менее значительную панораму.

Суммируя все сказанное, заключаю, что как в XVI—XVII вв., так и позднее на русском Севере господствует специфический тип расселения, при котором селения располагаются не в одиночку, а гнездами.

3

Для объяснения сущности гнездового типа расселения вернусь к северным поселениям XVI—XVII вв. Уже отмечалось, что группы деревень иногда имели собирательные названия, часто с патронимическими окончаниями. Такие названия местностей, судя по писцовым книгам и актам, были широко распространены в Обонежской и других новгородских пятинах. Перечислю некоторые из них: Любиницы²⁷, Ковкиничи²⁸, Шеменичи, иначе Шаменичи (в Пиркинском погосте)²⁹, Люговичи³⁰, Гербеничи³¹, Койкиницы³², Герчичи³³, Раховичи, или Раховичи³⁴, Шеменичи³⁵ в Важенском погосте, Тененичи³⁶, Вабиници, иначе Варбиници³⁷, Гумборицы, Гамгарицы, или Гумбарицы, или Гугарицы³⁸, Иульевичи³⁹, Каковичи⁴⁰, Гоморовичи⁴¹, Мустеницы⁴², Кондуши⁴³ и т. д.

Я не уверен, что в этом перечне некоторые названия не повторяются (например, Гербеничи и Герчичи), и, наоборот, что не объединены разные названия (Гумборицы и Гамгарицы). Местность Шеменичи по одним документам находится в Пиркинском погосте, по другим — в Важенском. Поскольку эти погосты граничат друг с другом, очевидно, имеется в виду одна и та же местность: либо граница погостов рассекла более древнее объединение, либо новгородские власти не знали, куда отнести эту местность. Но в данном случае дело не в этом.

Характерно, что деревни обычно имеют русские названия, группы же деревень в целом — финские. Например, в Гоморовичах были деревни Даниловская, Сидоровская, Савинская, Кузминская и т. п.⁴⁴ В некоторых случаях первоначальное финское название со временем превращается в русское, когда население уже ассимилировалось. Например, местность Юрьевичи (2—3 деревни) в Шунгском погосте на северо-восточном побережье Святой губы в конце XV в. называлась Верговичи (см. на карте № 45, 46, 47):

²⁷ «Материалы по истории Карелии XII—XV вв.», Петрозаводск, 1941 (в дальнейшем МИК), № 144 (стр. 226).

²⁸ МИК, № 147 (стр. 227).

²⁹ МИК, № 150 (стр. 229), № 161 (стр. 236), № 178 (стр. 251).

³⁰ МИК, № 215 (стр. 278), № 221 (стр. 282), № 154 (стр. 231).

³¹ МИК, № 154 (стр. 231).

³² МИК, № 88 (стр. 195).

³³ МИК, № 161 (стр. 236).

³⁴ МИК, № 174 (стр. 246), № 166 (стр. 240), 171 (стр. 244).

³⁵ МИК, № 166 (стр. 241), № 171 (стр. 244), № 218 (стр. 280).

³⁶ МИК, № 172 (стр. 245), № 277 (стр. 347—349), № 281 (стр. 351—352).

³⁷ Там же, а также № 277 (стр. 347—349), № 289 (стр. 360—361).

³⁸ МИК, № 277 (стр. 347—349), № 285 (стр. 357), № 144 (стр. 226), № 172 (стр. 245).

³⁹ МИК, № 297, 298 (стр. 380—381).

⁴⁰ МИК, № 140 (стр. 224), № 218 (стр. 279).

⁴¹ МИК, № 218 (стр. 280).

⁴² МИК, № 228 (стр. 289).

⁴³ МИК, № 176 (стр. 249).

⁴⁴ Это сочетание в значительной степени относится и к современным поселениям. Так, например, в группе поселений, которая называется Майлахтой (на Кенбозере, Арханг. обл.), имеются деревни: Ряпусово, Зехнево, Спицыно, Медвежий остров и др., в Нименьге (Архангельская обл.) — деревни: Верховье, Выползово, Низ, Бокино и др.

Обычно местность с собирательным названием включает несколько или даже много деревень; местность Варбиничи названа «волосткой», даже некоторые названия погостов имеют указанные окончания (погосты в Ярославичах, Веницах, Годевичах, Пиркиничах и др.).

Само распространение названий гнезд поселений, часть которых имеет патронимические окончания, наводит на мысль о том, что перед нами поселения каких-то родственных коллективов. Но каких? Это не могли быть семейные общины, так как семейные общины населяли отдельные дворы, т. е. один, реже два дома. Кроме того, трудно допустить, чтобы население составлявших гнезда деревень, разбросанное порой на десятки верст, могло вести общее хозяйство. Трудно предположить также, чтобы гнезда деревень были поселениями соседской общины, так как для этого они (по крайней мере те из них, которые нанесены на карту Шунгского погоста) слишком малы. Можно предположить, что гнезда деревень населяли родственные группы, выделенные М. О. Косвенom под названием патронимий⁴⁵.

М. О. Косвен определяет патронимию, как «группу семей (больших или малых), происшедших от сегментации или разделения одной большой семьи, сохраняющей хозяйственное, общественное и идеологическое единство»⁴⁶. Патронимия представляет собой общественную форму, свойственную патриархату, нередко сохраняющуюся в качестве пережитка в классовом обществе. Оговорюсь, что сам М. О. Косвен, изучая социальный строй русского Севера, увидел патронимию в так называемой долевой деревне, ошибочно считая древнейшую северную деревню многодворной⁴⁷.

Обратимся к подробному рассмотрению состава населения одного из гнезд деревень на карте Шунгского погоста⁴⁸. Гнездо это представляет собой группу деревень в восточной части погоста, вокруг Хаш-озера. По сути дела это не одно, а два соседящих друг с другом гнезда поселений. Одно из них расположено по берегам Хаш-озера, другое — по берегам Малого озера. На полпути между озерами имеются еще 2 деревни.

Напомню, что фамилии у крестьян в это время отсутствовали, так что только отчества и изредка прозвища могли служить основанием для выявления родства.

Под № 79 на составленной нами карте, относящейся к 1496 г.⁴⁹, помещена «деревня на Хаш-озерке». В ней отмечены писцом в одном дворе Олиско, Микифорик, Игнашко и Сенко⁵⁰. В деревне «на бору» (№ 90) находим Ермолку Олисиева с сыном и «суседом». Учитывая малую распространенность имени Олиско, можно предположить, что вторая деревня стпочковалась от первой, когда сын Олиски (вероятно, один из сыновей) образовал собственное хозяйство и поселился отдельно.

В другой деревне на Хаш-озере (№ 83) живут, по письму Сабурова,

⁴⁵ См. М. О. Косвен, Семейная община. К истории вопроса, «Изв. АН СССР, серия истории и философии», т. III, 1946, № 4; его же, Семейная община. Опыт исторической характеристики, «Советская этнография», 1948, № 3; его же, Патронимия у древних германцев, «Изв. АН СССР, серия истории и философии», т. VI, 1949, № 4; его же, Северорусское печище, украинские сябры и белорусское двориче, «Советская этнография», 1950, № 2.

⁴⁶ Тезисы доклада М. О. Косвена «Патронимия и ее место в структуре рода», 1950, Институт этнографии АН СССР.

⁴⁷ М. О. Косвен, Северорусское печище, украинские сябры и белорусское двориче, стр. 75.

⁴⁸ Мы пользуемся здесь преимущественно тремя древнейшими писцовыми книгами — Сабурова, 1495—1496, Лихачева, 1563—1566 гг. (Писцовые книги Обонежской пятины, Л., 1930, и писцовой книгой Плещеева, 1583 г. (ЦГАДА, Писц. кн. по Новгороду, № 963).

⁴⁹ Я указываю здесь, как и в дальнейшем, общие порядковые номера на приложенных картах.

⁵⁰ Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 6.

«Труфаник да зять его Лучка»⁵¹. Спустя 67 лет, по писцовой книге Лихачева, в этой деревне живут «Павелко Гридин да Олекса Лукин»⁵². Кроме того, в ближайшей соседней деревне (№ 80) писцом отмечены Клиш Нестеров да Мишук Лукин. Еще один Лукин живет, по книге Лихачева, в деревне на Хаш-озере (№ 81)⁵³, а вместе с ним Васюк Трифонов, может быть, сын уже упоминавшегося Труфанника.

Кроме Клиша Нестерова (в дер. № 80), в соседней деревне (№ 79) живет, по Лихачеву, Павелко Нестеров. Писцом Плещеевым⁵⁴ описаны, очевидно, дворы детей этих Нестеровых (Ляпун Нестеров, Гришка Нестеров в деревне № 79 и Климентий Нестеров в деревне № 80). Имена основателя фамилии Нестеровых и его сына Павелка сохраняются в названиях деревень вплоть до конца исследуемого периода, а судя по картам Генерального межевания, и еще позднее.

Имена и отчества в писцовой книге Сабурова говорят также о родственном населении в деревнях № 81 и 82; от одного из жителей деревни № 81 (Ивашки) происходит, повидимому, и Сергейко Иванов, упоминаемый в той же деревне, спустя 67 лет, Лихачевым.

Основываясь на приведенных фактах, можно заключить, что данные гнезда поселений во время составления первых писцовых книг были населены родственниками. Но из рассмотрения жителей гнезд поселений по первым писцовым книгам еще не выясняется с очевидностью происхождение этих родственных гнезд.

Не ограничиваясь писцовыми книгами, привлечем один из еще более ранних документов — относящуюся к XV в. данную жителей Шунгского погоста Вяжицкому монастырю⁵⁵. Из текста видно, что землю владеют все шунжане — жители Шунгского погоста, которых представляют главы каких-то родственных групп. Группы разные: одни лица упомянуты «з детми и племянем», другие «з братьею», «з братом», «з детми». Не означают ли эти различия в терминологии, что в акте участвовали, наряду с главами сравнительно немногочисленных больших семей, главы патронимий, так как с ближайшими родственниками упомянуты более отдаленные. Для расшифровки понятия «племяни» сопоставим этот документ с более поздними.

Вот документ, говорящий о практике родового выкупа. Один из крестьян, продающий Соловецкому монастырю двор, мельницу и землю, приписывает в конце купчей: «А до той моей продажи сыну моему Иеву и племянником моим Григорью, Ивану и брату моему Михайлу Жаркому и иному роду моему и племяни (разр. моя.— М. В.) дела нет ни в чем»⁵⁶. Совершенно очевидно, что под родом-племенем понимаются не только самые близкие родственники, так как последние оговорены особо, в первую очередь. Можно предполагать, что продавец перечислил именно лишь родственников мужского пола, с которыми он вместе жил и вел хозяйство. Были еще и «иные», очевидно, жители соседних однодворных деревень — более отдаленные родственники, которые тоже обладали какими-то традиционными правами на наследование имущества своего со-

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, стр. 152.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Писцовая книга Обонежской пятины, письма Плещеева, ЦГАДА, Писц. кн. по Новгороду № 963, л. 1107 об.

⁵⁵ «Се даша шунжане землю святому Николе Петре Адкине з детми и с племенем, Тоивод Идуеве з детми и с племянем, Якове Орине з детми и с племенем, Оншута Иванове з братом, Волосе Петрове з братьею, Иване Кондратове з братьею, Иване Ташне з братьею, Василие Тимошкине з детми и Кирке з детми и все шунжане даша землю святому Николе Анндиево седенье на Шунги где Кивал Тоивод ратслад, а в Толвуи Гавшино седенье и Мустуево седенье, Харлово седенье и Цыбуруев наволлок. А лишая земля делать ис тех сел по старине и пожни косить и рыбу ловить по старине» и т. д. (МИК, № 44 стр. 120).

⁵⁶ 1612 г., «Карелия в XVII в», Сборник документов, Петрозаводск, 1948, № 11, стр. 25—26 (в дальнейшем цит. кар).

родича, на выкуп «родовой» земли и пр. Они-то и названы родом-племенем.

Такое понимание термина подтверждается документом совершенно иного порядка. В жалованной грамоте 1577 г. новгородского архиепископа Александра причту Успенской Сямозерской церкви, между прочим, говорится о недозволенных действиях священника; «А кого тот поп венчает в роду и в племени и в кумовстве и в сватовстве, или иное на него каково будет дело духовное...» и т. д.⁵⁷ Точно такого же рода фразы имеются в жалованных грамотах новгородского митрополита Варлаама прихожанам Водлозерской церкви⁵⁸, Соловецкому монастырю⁵⁹, Толвуйской приходской церкви и выставочным церквам⁶⁰ (все грамоты 1592 г.). Очевидно, что и здесь речь идет не о самых ближайших родственниках. Замечу попутно, что самый факт необходимости подобного предупреждения говорит о распадном состоянии родственных патронимических групп.

Четко противопоставлены близкие родственники и более отдаленные в одной купчей 1589 г.⁶¹, где говорится: «А нет до тое чети лука дела ни моему роду, ни племени, ни жене, ни детям». Точно такой же оборот встречается и в других актах⁶². Иногда он несколько видоизменяется в зависимости от конкретных условий, т. е. смотря по тому, кто из родственников может выступить претендентом на выкуп родовой земли. Так, закладывая ложню в Ялгубе, житель Вершева наволока Родион счел необходимым особо оговорить возможные претензии со стороны своего дяди; написав: «мне Родиону по сроце до той пожни дела нет, ни брату моему, ни дяде моему, ни роду моему, ни племени»⁶³. Иногда говорили вообще о всем «роде-племени», не выделяя близких родственников⁶⁴.

Наконец, еще одним доказательством того, что родом-племенем называли не только ту родню, с которой жили в одном дворе и вели хозяйство, служит складная запись 1656 г.⁶⁵ Тесть, принимая в дом зятя, договаривается с ним, что в случае смерти одного из них, их «животы», т. е. имущество, наследует оставшийся в живых, а «ни роду..., ни племени со стороны (разрядка моя.— М. В.)... дела нет». Этот поздний документ показывает, кроме прочего, как складничество разрушает патронимические отношения.

Приводившаяся на стр. 39 данная шунжан датируется началом — серединой XV в., т. е. тем временем, когда еще не было писцовых книг. Тем не менее можно попытаться сопоставить имена жертвователей-шунжан с названиями населенных мест и с именами жителей по древнейшей писцовой книге и проследить их по составленной нами карте этого времени. Большинству имен, перечисленных в данной, соответствуют производные от таких имен названия деревень или прозвища жителей, что позволяет «поместить» перечисленных шунжан на карту. Конечно, на бесспорной точности такого сопоставления трудно настаивать.

Якову Орине из данной соответствует деревня Оринская (№ 14), Волосу Петрову — деревня Волосово (№ 43), Василию Тимошкину — деревня Тимохово (№ 38), Тоиводу Идуеву — деревня Идино (№ 28), Ивану Таину — деревня Таинская (№ 99), Ивану Кондратову — деревня Кондратовская (№ 41) и, наконец, Кирке — жители Киркины, населяющие соседние деревни (№ 100, 101, 104).

⁵⁷ МИК, № 179 (стр. 252).

⁵⁸ МИК, № 263 (стр. 332).

⁵⁹ МИК, № 264, (стр. 333).

⁶⁰ МИК, № 267 (стр. 336).

⁶¹ МИК, № 251 (стр. 305).

⁶² МИК, № 252 (стр. 305).

⁶³ Кар., № 19 (стр. 34), 1627 г.

⁶⁴ Кар., № 12 (стр. 27), 1612 г.

⁶⁵ Кар., № 80 (стр. 120—121).

За исключением последних деревень, а также деревни Таинской, все поселения расположены в центральной части погоста, где, как говорилось, они стоят тесно друг к другу и выделить гнезда затруднительно.

Кирка с детьми жил на берегу Путко-озера, поодаль от основной массы селений. По первым писцовым книгам, местность эта называется «Паницы». В писцовой книге Сабурова имеется деревня в Пайницах на берегу. Там живут в одном дворе Першка да Якушка да Кондратко Керкины (№ 100). В деревне Стогове (№ 104) жил Ивашко Керкин да его дети Микитка да Якушко. В деревне «в Паницах же» живут Гаврилко Киркин да Ивашко и Оксенко Гавриловы (№ 101). Хотя в тексте книги Ивашко и Оксенко не названы детьми Гаврилки, вряд ли в этом можно сомневаться, имея в виду их отчество.

Проследим дальше судьбу последней деревни. В дальнейшем, судя по писцовой книге 1563 г. Лихачева, однодворная деревня превращается в двухдворную: дети Ивашки и Оксенки разделились. Лихачев описывает два двора: в одном живет Омелца Оксентьев, в другом — Кузьма да Давытко Ивонины. Та же деревня у Плещеева (1583) оказывается уже трехдворной. Во дворах живут: в одном Куземка Ионин да сын его Гришка, в другом — Омельянтко Оксентьев, в третьем — какой-то Ивашка Борисов. Сама деревня названа Киркиной горой, очевидно, по тому самому Кирке, который упомянут в данной шунжан.

Можно, мне кажется, не сомневаться, что гнездо деревень с названием Паницы — родственного происхождения и произошло от разделения семейной группы, которая фигурировала в акте как «Кирка с детьми».

Летом 1953 г. в Заонежье у нескольких информаторов (главным образом у Ивана Андреевича Костина из деревни на Хаш-озере) мы получили некоторые интересные для нас сведения. Имя Кирка, Кир, Кирик и в настоящее время встречается в этой части Заонежья. В недалеком прошлом даже целую семью в деревне Паницы называли «кирами». В нескольких деревнях северной части Заонежья в прошлом, по рассказам местных жителей, было распространено празднование Кирикова, иначе Киркина, дня (15 июля по ст. стилю). В этот день ходили в часовню, поставленную в честь св. Кирика, затем следовало угощение всех родственников. Не исключена возможность, что на местный культ этого святого православной церкви оказали влияние воспоминания о предке, который жил в XV в.

Таким образом, в данной шунжан Вяжицкому монастырю выступают несколько групп родственного происхождения. Термин «дети» в устах старейшего члена семьи, большака, означает его прямых потомков с их женами, а противопоставленное детям племя охватывает, по моему мнению, всю разошедшуюся родню, в том числе и дальнюю. Любопытно, что явно не русские имена (Петр Адкин, Тоивод Идуев) сопровождаются «детьми и племянем», а большинство русских — только «братъею» или «детми». Напрашивается довольно вероятное предположение о том, что коренное население жило большими коллективами, чем пришлое, русское, у которого в период колонизации семейные общины больших размеров распались, а вновь сложиться не успели. Однако вывод этот не слишком прочен: на основании одних только православных имен и отчеств рискованно заключать о принадлежности к русской народности.

Приходим к выводу, что на Севере группа родственных семей занимает не одно какое-то поселение, а целую группу их, первоначально, может быть, небольшую. Это не совпадает со взглядом на расселение патронимии М. О. Косвена. Этот ученый, впервые обративший внимание на патронимию и определивший ее социально-историческое значение, высказался очень решительно: «Патронимия архаически всегда локализована, иначе говоря, все члены данной патронимии живут в одном месте, все дома-дворы данной патронимии расположены смежно. Вся патронимия образует либо отдельный поселок, либо отдельную часть, квартал, улицу селения,

состоящего в таком случае из нескольких патронимий»⁶⁶. Применимо ли это определение к Поморью и Заонежью, в частности? Нет, уже по той причине, что многодворные поселения образовались очень поздно, а в одном дворе умещалась лишь семейная община. Являются ли обнаруженные нами родственные группы «патронимиями», т. е. сохраняют ли они, хотя бы частично, хозяйственные узы или они представляют собой еще более широкую группу родственников («фамилию»)? Наши документы не дают еще ясного ответа на этот вопрос. Все же более вероятным нам кажется первое предположение. В этом случае патронимическая группа занимает не одно поселение, а соседящие однодворные деревни, в силу специфических северных условий (оазисное расположение удобных земель, роль охоты и пр.).

На юге, в Закарпатье, например, патронимия действительно занимала одно поселение или даже часть его — улицу, квартал. Естественно, что южнорусская патронимия, расселенная скученно в одном поселке или на одной улице, очень долго сохраняла некоторое хозяйственное и идеологическое единство, частично выявляемое этнографами и в настоящее время⁶⁷. Напротив, патронимия на Севере, разбросанная иногда на десятки верст, очевидно, распалась очень быстро, оставив по себе память лишь в гнездовом типе расселения, да местами в патронимических названиях самих гнезд. И, может быть, не только скудость и специфичность источников по XVI—XVII вв. была причиной того, что пока не удастся обнаружить хозяйственной внутрпатронимической связи: это должно быть связано и с ранним разложением патронимии на Севере. Помимо указанной причины, на раннее исчезновение патронимий могли оказать влияние большая подвижность северного населения и сосуществование различных этнических групп на одной территории.

Исходной формой образования гнезда поселений в Заонежье, предположительно патронимий, является печище — локализованное поселение группы родственников. Впервые описанное А. Ефименко⁶⁸, оно, затем не раз привлекало внимание исследователей. Основное и древнейшее значение этого термина — большая семья задружного типа. Позднее он, этот термин, утратил первоначальный смысл; так стали обозначать обычную деревню. «Теперь печище в Архангельской губернии чаще всего обозначает деревню в нашем смысле слова, т. е. в смысле совокупности угодий, тянувшихся к населенному месту, иногда несколько деревень, имеющих общее землевладение»⁶⁹. Имели распространение и другие значения термина «печище». В XVII в. печище иногда обозначает заброшенное поселение и противопоставляется деревне — поселению «живущему»: «А у того дьячка есть под ним 3 печища и 3 деревни»⁷⁰. В некоторых актах этим термином называют старые русские и чудские поселения⁷¹.

Печище — термин, известный главным образом на Севере; однако есть указания на то, что в прошлом он был распространен и в средней полосе — в Замосковном крае, причем в основном своем значении. «...Пустошь Жарья Лука у озера у Сабра, стояла на трое на одном печище»⁷². Автор исследования Ю. В. Готье так комментирует этот отрывок: «...следовательно, между тремя частями этой не существовавшей в 20-х годах XVII века деревни была связь — они основались из одного целого,

⁶⁶ М. О. Косвен, Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище, стр. 72.

⁶⁷ См. И. Ф. Симоненко, Пережитки патронимии и брачные отношения у украинцев Закарпатской области, «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 75—83.

⁶⁸ А. Ефименко, Крестьянское землевладение на крайнем Севере, вып. 1, стр. 185—379.

⁶⁹ Там же, стр. 219.

⁷⁰ Кар., № 76 (стр. 116), 1651 г.

⁷¹ Например, Кар., № 107 (стр. 161 и 165).

⁷² Ю. В. Готье, Замосковский край в XVII в., стр. 129—130.

из одного «печища», которое, может быть, и в этой местности, столь отдаленной от северного поморья, имело значение, сходное с тем, какое ему придает г-жа Ефименко, основываясь на старинных документах русского Севера»⁷³.

Вполне правильно, на мой взгляд, характеризует историческое место печища М. О. Косвен в цитировавшейся работе. В связи со всем ранее сказанным можно добавить лишь то, что сегментация печищ и образование долевой деревни — явление позднее. Ефименко и Островская имели в своих руках материалы, относящиеся главным образом к XVII—XVIII вв. В более раннее время характерно распадение печищ на родственные гнезда. Процесс этот лишь частично отражен писцовыми книгами, в которых выработалась стандартная форма описания того, как расселились «от отцов — дети и от братьев — братья»⁷⁴. Лучше всего прослеживается он по областям восточного Поморья, колонизованным позднее⁷⁵.

Имеется этнографический материал, показывающий, что после выделения из деревни починка, а затем и других починков связь между вновь образовавшимися поселениями и печищем не прекращалась. Все же преобладала, очевидно, не хозяйственная, а идеологическая связь. Я уже говорил об описанных С. А. Приклонским группах деревень в Олонецкой губернии. Население таких групп деревень находилось в родственных отношениях, в «неразрывном вековечном союзе, составляя одно племя»⁷⁶. Гнездо деревень осознавалось как одно поселение с одним названием.

Родственный состав гнезд поселений не является, конечно, специфичным только для русского населения Севера. В конце 1920-х годов З. П. Малиновская отмечает, что деревни вепсов расположены небольшими группами, которые составляют «общества». «Помимо сельского совета, объединяющего общество в мелкую административную единицу, находящийся в обществе погост с церковью объединяет общество в приход, единицу обрядово-культового порядка»⁷⁷. Число деревень в обществе обычно варьирует в пределах от 5 до 20 (редко — больше 20 или меньше 5).

З. П. Малиновская показывает родственный состав соседних деревень, называя деревенских родственников даже «родом»: «...в значительной своей части деревни вепсов являются как бы родовыми деревнями, объединяющими тот или иной род. В таких случаях население деревни состоит из родных, двоюродных братьев, дядей и племянников»⁷⁸. Следует, конечно, иметь в виду, что в это время деревни были уже довольно большие, иногда по несколько десятков дворов. Они образовывались как путем разрастания отдельных мелких деревень, так и путем постепенного сращения деревень одного гнезда.

* * *

Все сказанное позволяет заключить, что гнезда поселений на русском Севере возникли при сегментации семейной общины в процессе заселения края. В Заонежье устойчивые гнезда поселений, населенные родственни-

⁷³ Там же.

⁷⁴ Например, ЦГАДА, Рев. ск. по Новгороду № 2541, л. 17 и др.

⁷⁵ «А по сказке земского судейки с товарищи те прибылые деревни и починки, и дворы, и во дворах люди — не пришлое иных городов и не беглые чьи люди и крестьяне; тое ж Зюздинской волости разделились от отцов дети, от братьев братья, от дядей племянники, от тестев зятья» (Богословский, Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., М., 1909, т. I, стр. 33).

⁷⁶ С. А. Приклонский, Народная жизнь на Севере, стр. 91.

⁷⁷ З. П. Малиновская, Из материалов по этнографии вепсов, «Западнофинский сборник», Л., 1930, стр. 180.

⁷⁸ Там же, стр. 186.

ками — одним «племенем», имелись уже в конце XV в., судя по древнейшей дошедшей до нас писцовой книге Сабурова. Детальное сопоставление материалов древнейших писцовых книг с некоторыми актами, особенно с данной шунжан Вяжицкому монастырю (начало — середина XV в.), приводит к выводу о существовании в XV в. крупных родственных коллективов коренного и русского населения. Ранний распад этих коллективов задружного типа был связан с экономическими и природными особенностями Севера. Этими же особенностями объясняется и то, что населенные родственниками гнезда поселений мало сохранили экономическую и идеологическую связь.

И еще одно замечание. Гнездовой тип расселения, распространенный на Севере, резко отличается от скученного типа, отмеченного на значительной части Украины. Так называемая кучевая деревня на территории Украины признается весьма древней. Но, несмотря на сильное внешнее отличие современного украинского села от уже описанного типа расселения, в их истории можно подметить и некоторые черты сходства.

Во-первых, в цитированной работе И. Ф. Симоненко показано, что целые концы («кварталы») закарпатских украинских сел бывают заселены родственниками или людьми, помнящими свое отдаленное родство.

Во-вторых, некоторые авторы указывают нам, что украинские села XVII—XVIII вв. были значительно меньше современных и состояли из родственных, расположенных неподалеку друг от друга мелких поселений, в которых жили близкие родственники⁷⁹.

Возникает в связи с этим мысль: не является ли гнездовой тип расселения определенным этапом в истории поселений всей восточноевропейской равнины? На юге благоприятные природные и экономические условия, а также значительная плотность населения привели к тому, что гнезда там росли в крупные села; на Севере, в силу указанных выше причин, гнездовой тип расселения сохранился до наших дней.

⁷⁹ Иванишев, О древних сельских общинах в юго-западной России, Киев, 1863; А. Ефименко, Дворишное землевладение в южной Руси, «Русская мысль», 1892, № 4, 5.